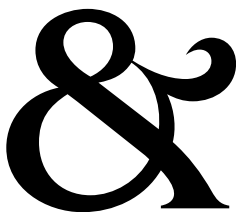

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Антон ЛЕОНТЬЕВ

**Святой нимб
и терновый
венец**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудря*

Леонтьев, Антон Валерьевич.
Л47 Святой нимб и терновый венец / Антон Леонтьев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-97348-4

Викторией владела одна мысль — отомстить писателю Дейлу Уайту. Этот лохотный американец украл сюжет бестселлера «Улыбка Джоконды» у ее отца! Девушка прилетела в Рим и даже пробралась в дом Уайта, но в последний момент растерялась и чуть не попала в полицию. Хорошо, что рядом вовремя оказался профессор Каррингтон, старый друг ее отца. Профессор с сыном тоже находятся в Риме не случайно, они пытаются раскрыть одну из главных тайн Ватикана — образцы Туринской плащаницы, главной христианской святыни, предоставленные для радиоуглеродного анализа, были поддельными! Но ради чего церковь пошла на такой чудовищный подлог?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97348-4

© Леонтьев А.В., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

12. Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?

13. Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес;

14. А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша.

*Из Первого послания
к коринфянам апостола Павла,
глава 15*

Из коммюнике, подписанного кардиналом Алессандро Морретти, архиепископом Турина и хранителем Туринской плащаницы, и распространенного пресс-службой Ватикана 4 ноября позапрошлого года:

«Уж лучше скандал, чем не вся ПРАВДА» — эти мудрейшие слова принадлежат папе Григорию Великому, и католическая церковь, следуя заветам славного понтифика, оповещает общественность о том, что результаты радиоуглеродного анализа Туринской плащаницы, в которую, согласно преданиям, по снятии с креста было завернуто тело Господа Нашего Иисуса Христа, проведенного в лабораториях Лозанны, Кембриджа и Далласа, полностью совпали с выводами подобных исследований, имевших место в 1988 году. Сие бесспорно свидетельствует: данная реликвия была изготовлена в период с 1260 по 1390 год от РХ, что значит: плащаница — чрезвычайно искусная средневековая подделка, никак не могущая быть погребальным саваном Спасителя...»

Кастель Гандольфо, загородная резиденция папы римского, 4 августа прошлого года

Старик, который правил половиной мира, казалось, мирно спал.

Сестра Марселина, пройдя в покои, низко поклонилась и перекрестилась. Он лежал на огромной кровати под бал-

дахином. Монахиня приблизилась к святому отцу. За прошедшие восемь с половиной месяцев ничего не изменилось. Его святейшество римский папа Адриан VII по-прежнему находился в коме.

Монахиня приложила губами к тонкой руке папы, целуя массивный золотой «перстень рыбака», символ папской власти. Того требовал старинный обычай, и хотя его святейшество ничего не воспринимал, сестра Марселина каждый раз, оказываясь в его спальне, проделывала этот ритуал.

Папа римский не спал, он находился между жизнью и смертью, и, согласно прогнозам врачей, ему уже никогда не суждено открыть глаза. Приборы, к которым был подключен старик, тихо попискивали, в соседних апартаментах находились медики, следившие за состоянием здоровья главы Римско-католической церкви. Но надежд на улучшение не было.

Сестра Марселина, чьи глаза увлажнились, с любовью и преданностью посмотрела на папу Адриана. Старик — благородное лицо, высокий лоб с глубокими залысинами, орлиный нос — возлежал на застеленной свежайшим бельем кровати. На ней скончались двое из его предшественников: в 1978 году папа Павел VI, а за двадцать лет до этого, в 1958 году, Пий XII.

Жизнь и смерть, смерть и жизнь: неизбежный круговорот мироздания был для пап неотличим от судеб тех, над кем они властвовали со времен апостола Петра. Ведь любовью папа, в конце концов, не только наместник Иисуса Христа на Земле, преемник князя апостолов, верховный понтифик вселенской церкви, патриарх Запада, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, монарх государства-града Ватикан, раб рабов Божьих (такими официальными титулами обладал, как и все предыдущие святые отцы, и Адриан Седьмой), но и обычный смертный, хотя верилось в это с большим трудом.

Но не сестре Марселине подвергать сомнению догматы! Она всем сердцем любила папу Адриана, занимавшего престол святого Петра в течение шести лет, четырех месяцев и двадцати трех дней. И восемь с лишним месяцев находившегося в бессознательном состоянии — случай уникальный в анналах католической церкви!

Сестра Марселина верой и правдой служила предшественнику Адриана, в ее обязанности входило заботиться о чистоте папских апартаментов, о белье и еде понтифика, когда он прибывал из Ватикана в свою загородную резиденцию у Альбанского озера, на виллу Кагель Гандольфо. Павел VI недолго занимал папский престол, на вилле он бывал редко, и сестра Марселина видела его всего несколько раз, да и то мельком — ее постоянно оттесняли прелаты, сопровождавшие дряхлого святого отца.

Монахиня чрезвычайно гордилась тем, что ей дозволено прислуживать папе. Когда голландский кардинал Корнелиус Виллебрандес был избран верховным властителем Римско-католической церкви и, приняв имя Адриан, сделался двести шестьдесят шестым преемником апостола Петра, он через личного секретаря Яна Мансхольта известил сестру Марселину, что будет ей чрезвычайно признателен, если она останется в своей прежней должности в Кагель Гандольфо.

Папа Адриан, впервые прибыв на виллу, поразил всех тем, что приветствовал каждого из многочисленной челяди — он первым здоровался с садовниками, поварами и монахинями! А ведь далеко не все римские папы были столь демократичны в обхождении! О Льве XIII судачили, что за двадцать пять лет своего понтификата (одного из самых долгих за всю историю церкви!) он так ни разу не поздоровался со своим кучером. Да и прочие понтифики не отличались ангельским характером: Сикст V был чрезвычайно вспыльчив, а Пий XI — очень упрям. И это лишний раз подтверждало древнюю истину, произнести которую вслух, однако, никто не решался: невзирая на догмат о непогрешимости, дарованный папам Первым Ватиканским собором, они мало чем отличались от прочих смертных, каждый из них имел свои слабости и даже пороки.

Сестра Марселина подошла к большому окну и осторожно раздвинула тяжелые бархатные портьеры. Яркий свет залил спальню Адриана. Папа впал в кому за две недели до Рождества. Его — обездвиженного и сломленного, расprostертого на полу кабинета — обнаружил личный секретарь. Вначале он даже подумал, что папа скончался, однако, нащупав прерывистый пульс, установил, что Адриан все еще жив.

В то воскресенье сестра Марселина пережила много странного и загадочного. Она помнила, что на протяжении предшествующих нескольких дней его святейшество был сам не свой. Вечером пятницы, за два дня до трагедии, папа прибыл из Ватикана на уик-энд в Кафель Гандольфо — он посещал папскую виллу, славившуюся своим необыкновенно красивым видом на близлежащее озеро и чудными садами, не только летом, но и в течение всего года. Как-то Адриан обмолвился, что, если Господу это угодно, он предпочел бы скончаться именно в Кафель Гандольфо. Если бы понтифик только мог помыслить, что его слова сбудутся!

Здоровье папы никогда не внушало серьезных опасений. Кардинал Виллебрандес стал понтификом в возрасте шестидесяти восьми лет, приняв имя Адриана Седьмого в честь папы Адриана Шестого, уроженца Утрехта (Виллебрандес тоже появился на свет в этом голландском городке), и все политические комментаторы дружно сходились во мнении, что ему суждено достаточно долгое правление — в отличие от тезки, занимавшего престол святого Петра в течение неполных двух лет в шестнадцатом веке и, по слухам, отравленного. Папа в молодости занимался плаванием и теперь охотно пользовался построенным по приказанию Иоанна Павла II в парке Кафель Гандольфо бассейном (польский понтифик на возражения кардиналов, сетовавших на то, что строительство бассейна и прокладка новых коммуникаций обойдутся в кругленькую сумму, безапелляционно заявил, что выборы нового папы будут все равно дороже), а также совершал долгие прогулки по горам, сопровождаемый секретарями, кардиналами и охраной.

Сестра Марселина, регулярно возвращавшаяся в мыслях к событиям того уик-энда, с каждым разом убеждалась, что папа слишком много работал и волновался. Его что-то угнетало, но разве он мог выложить свою тревогу кому бы то ни было! Ведь папы, увы, увы, не только безраздельные властители католического мира, но и зачастую одинокие и несчастные старики, отгороженные от окружающего неприступной стеной из ватиканских чинуш, кардиналов и швейцарских гвардейцев.

И в субботу и в воскресенье, накануне несчастья, папа принимал доверенных лиц, с которыми подолгу беседо-

вал. Днем ранее был и таинственный гость... А вечером, после того как последний из посетителей удалился, личный секретарь и обнаружил святого отца недвижимым на полу кабинета.

Весь мир узнал о том, что у папы был инфаркт, в результате которого сердце несколько минут не билось. Дежурившие на вилле медики сумели вернуть понтифика к жизни, однако он не пришел в себя, а впал в кому.

Два консилиума, членами которых были самые известные итальянские и зарубежные врачи, ознакомившись заочно с состоянием больного, вынесли неутешительный вердикт: покидать виллу папе нельзя, переезд из Кастель Гандольфо на вертолете или автомобиле в Рим, в специализированную клинику или в Апостолический дворец, чреват непредвиденными осложнениями. Посему и было принято решение превратить Кастель Гандольфо в больницу.

Сестре Марселине показалось крайне подозрительным, что ни один из именитых медиков, высказывавших свое компетентное мнение, так и не получил права увидеть папу воочию. Личный врач Адриана, профессор Пелегрино, заявил, что иммунная система его сановного пациента подорвана и он не может рисковать здоровьем папы, превращая его опочивальню в проходной двор.

Сие только укрепило сестру Марселину в подозрениях. Профессор Пелегрино практически не допускал до папы коллег, превратив Адриана в безмолвного пленника Кастель Гандольфо. Сестра Марселина, на которую никто не обращал внимания, обладала тонким слухом, а куриальные кардиналы, время от времени наносившие визит вежливости лежащему в коме папе, роняли фразы, от которых монахине делалось страшно.

Она как-то, сама того не желая, подслушала беседу статс-секретаря Ватикана, своего рода премьер-министра самого крошечного в мире государства, правой руки папы, кардинала Мальдини с архиепископом Чжанем. Статс-секретарь, во-первых, заявил, что кома вызвана вовсе не инфарктом («Весь мир, а в особенности настырные журналисты проглотили эту сказочку про инфаркт. О, если бы они знали правду!»), во-вторых, воздал хвалу Господу за то, что папа не успел совершить нечто, чего многие так опасались («Он же хотел предать это огласке! Вы понимаете, ка-

кие кошмарные последствия это имело бы для всей церкви!), и, в-третьих, выразил надежду на то, что папа скоро умрет («Так долго продолжаться не может! Я советовался с врачами, и они не исключают, что Адриан будет находиться в коме на протяжении многих лет. Воистину, ужасно!»).

Сестра Марселина давно усвоила незыблемое правило: все, что она слышала и видела в стенах Кастель Гандольфо, должно сгнуться вместе с ней. Монахиня знала, что не только курия и Ватикан, но и весь мир задавались вопросом: что будет дальше? Папой избирались пожизненно, однако теоретически понтифик мог добровольно сложить с себя полномочия и уйти в отставку. Такое за две тысячи лет церковной истории происходило весьма редко, в подавляющем большинстве случаев не по своей воле — пап или антипап принуждали к этому (как Иоанна XXIII или Григория XII), иногда те сами делали это многократно (Бенедикт IX аж трижды слагал полномочия, дабы открыть дорогу к престолу своим родственникам и всем тем, кто хорошо платил) и добровольно — только единожды (Целестин V), и ничто не предвещало, что может снова повториться.

Адриана нельзя было сместить или отстранить от должности, невозможно объявить папе импичмент или отправить понтифика на пенсию в связи со стойкой невозможностью выполнения обязанностей по состоянию здоровья. Апостолическая церковь переживала сложные времена — номинально у нее имелся верховный руководитель, но в действительности он находился без сознания и не мог ничего решать. Но «граду и миру» требовался поводырь!

Средства массовой информации без всякого почтения к святому отцу непринужденно обсуждали, можно ли применить к папе эвтаназию — отключив его от медицинских приборов, спровоцировать смерть и тем самым избавить церковь от балласта в лице обездвиженного и лишённого сознания понтифика. Статс-секретарь Ватикана Майкл Дюклер, которому однажды был задан подобный вопрос, с гневом отмел еретическое предположение, подчеркнув, что официальная позиция католической церкви отлично известна: жизнь даруется человеку Богом, и никто не вправе досрочно положить ей конец.

Мир уже привык к тому, что Ватикан находится в затянувшемся периоде междувластия и безвременья: решения

по всем основным вопросам, да и второстепенным тоже, принимал папа, во время его отсутствия в Ватикане — статс-секретарь, однако ни кардинал Мальдини, ни прочие члены курии не брали на себя смелость провозглашать что-то от имени находившегося в состоянии комы папы Адриана. Сестра Марселина понимала: кардиналы ждут смерти понтифика, и никто не хочет уменьшить собственные шансы на избрание новым главой церкви, превышая полномочия и нарушая субординацию.

Сестра Марселина приоткрыла форточку: в спальне было душно. Профессор Пелегрино велел ей тщательно следить за тем, чтобы в спальне не было сквозняка, иначе ослабленный организм папы может стать жертвой банальной простуды, перешедшей в воспаление легких или менингит.

Досчитав вслух до шестидесяти, монахиня захлопнула форточку. Ей показалось, что по опочивальне разнесся тихий стон. Она внимательно посмотрела на папу Адриана. Тот недвижно лежал на кровати.

Сколько раз она мечтала о том, что папа придет в себя и все вернется на круги своя! Вначале, когда она только принялась ухаживать за беспомощным понтификом, сестра Марселина надеялась, что Адриан вот-вот откроет глаза и заговорит с ней, но постепенно поняла, что такое никогда не наступит...

Сестра Марселина подошла к папе и с любовью поправила одну из подушек у него под головой. На глаза монахини навернулись слезы. Смахнув их, сестра Марселина направилась к низкому столику, на котором стояли несколько грязных чашек. Кардиналы, навещавшие его святейшество утром, велели подать себе кофе. Здоровье папы, как безраздостоно отметила для себя сестра Марселина, приготовившая и принеся им эспрессо, пурпурососцев абсолютно не занимало. Три князя церкви обменивались свежими сплетнями, дружно смеялись над анекдотами и полностью игнорировали папу, безучастно лежавшего всего в нескольких метрах от них.

— Сестра!

Монахиня живо обернулась. Ей почудилось или папа действительно позвал ее. Однако окрылившая ее надежда быстро исчезла, как только сестра Марселина взглянула

на бледное лицо папы Адриана. Она принимает свои фантазии за реальность! Ей так хотелось, чтобы папа позвал ее, но по всему видно: этого никогда уже не случится.

Подхватив грязные чашки с раритетного столика черного дерева, принадлежавшего то ли Юлию Второму из княжеского рода делла Ровера, то ли его преемнику Льву Десятому из династии Медичи, монахиня направилась к выходу. Горестно качнув головой, она еще раз мельком взглянула на папу Адриана, потянула на себя золоченую ручку...

— Сестра! — раздался все тот же хриплый и властный голос.

Монахиня, развернувшись, выронила грязные чашки на персидский ковер. Это не была галлюцинация или наваждение, папа в самом деле обращался к ней!

Всхлипывая, сестра Марселина устремилась к изголовью кровати. Веки папы Адриана дрогнули и приоткрылись. Сестра Марселина бухнулась на колени.

— Святой отец, святой отец, вы... вы пришли в себя! — пролепетала она, глотая слезы радости. Господь услышал ее молитвы!

Папа, одарив ее осмысленным взглядом, чуть шевельнул лежавшей поверх одеяла правой рукой, отчего «перстень рыбака» матово блеснул, и еле слышно произнес:

— Сестра Марселина, это ведь вы?

— Я, святой отец, я! — забормотала монахиня.

Господь в очередной раз продемонстрировал, что умеет творить чудеса! Ведь иначе как чудом нельзя объяснить то, что папа Адриан вышел из комы спустя без малого девять месяцев!

— Где я? — спросил папа.

Сестра Марселина поднялась с колен и склонилась над больным. Ее сухонькая ладонь легла ему на лоб.

— Святой отец, вы на вилле Каstellь Гандольфо, — сказала она радостно, не в силах сдержать улыбки.

Адриан закрыл глаза и прошептал:

— Что со мной? Я... я ничего не помню! Профессор Сикорский... Беседа с ним... А потом... Шаги... Да, да, шаги... Я что, болен? А как же рождественская месса в соборе Святого Петра?

Сестра Марселина поняла, что папа дезориентирован. Она, перекрестившись, снова упала ниц и поцеловала золотой перстень Адриана.

— Святой отец, я должна сказать вам что-то... страшное! Вы были без сознания почти девять месяцев! Сегодня — третье августа.

— Август? — произнес после долгой паузы Адриан. — Что со мной было, сестра?

— Святой отец, я не знаю, имею ли я право говорить вам, — начала монахиня.

Папа перебил ее:

— Сестра, не забывайте, что вы должны говорить мне только правду! Итак, что произошло?

— У вас случился инфаркт, потом вы впали в кому, святой отец, — боязливо сказала сестра Марселина и искоса посмотрела на папу.

Бескровные губы Адриана зашевелились, он с трудом выдавил из себя:

— Август... Прошло так много времени... Хм, поразительно — я не помню, что было со мной непосредственно до того... до того, как я заболел, но все события предшествовавших болезни недель, дней и даже часов все еще свежи в памяти. Да, да, это знак Господень! Если бы он не хотел, чтобы я предал это огласке, он бы призвал меня к себе, однако Господь решил, что я должен довести до конца возложенную на меня миссию.

Задавать вопросы папе было не дозволено, но сестра Марселина, пересилив страх, с любопытством спросила:

— Святой отец, что вы хотели предать огласке?

— В свое время вы узнаете, сестра, как узнают и все христиане, — прошептал папа. — Я желаю немедленно видеть статс-секретаря кардинала Мальдини!

Еще раз поцеловав золотой перстень, сестра Марселина вылетела из папской спальни. Коридор был пуст. Монахиня ворвалась в комнату дежурных: врач играл в карты с швейцарским гвардейцем, пожилая медсестра, попивая кофе, оставилась в толстую книгу в кроваво-черной обложке, чтение которой вообще-то каралось отлучением от церкви (то был супербестселлер Дейла Уайта «Улыбка Джоконды»).

— Что такое, сестра? — бросив на монахиню мимолетный взгляд, спросил врач.

— Святой отец... — задыхаясь, заговорила сестра Марселина.

Врач, нехотя отвлекшись от игры, беглым взглядом окинул экраны мониторов и сообщил:

— Со святым отцом все в порядке.

— Святой отец пришел в себя! — выпалила монахиня.

На секунду в комнате воцарилась тишина. Карты выпали из рук доктора, он вскочил со стула и бросился в коридор.

— Оповестите профессора Пелегрино! — крикнул он онемевшей медсестре, выронившей скандальный роман американского автора, повествующий об «истинной» жизни Иисуса Христа и преданный Ватиканом анафеме. — И как можно скорее!

Весть о том, что папа Адриан пришел в себя, в течение нескольких часов облетела всю планету. Кто-то из служащих папской виллы передал информацию итальянскому агентству ANSA, и спустя четверть часа почти все телевизионные каналы мира вышли с экстренным выпуском, сообщая о чуде в Кастель Гандольфо.

Сестре Марселине пришлось не меньше десяти раз рассказать про то, как все приключилось.

В загородную резиденцию папы пожаловала курия в полном составе. Кардиналы, архиепископы и епископы толпились в одном из залов на первом этаже. Сестра Марселина, сервируя напитки и закуски, прислушивалась к разговорам.

Монахиню пожелал видеть статс-секретарь кардинал Умберто Мальдини. Невысокий, полный, с остатками седых волос на яйцеобразной голове, покрытой алой шапочкой, кардинал подверг монахиню подлинному допросу. Он только что вернулся после аудиенции у папы и, судя по всему, был чем-то чрезвычайно встревожен. Более того — недоволен и, не исключено, напуган.

Сестра Марселина изложила ему свою версию.

— И святой отец больше ничего не сказал? — уставившись на монахиню сквозь стекла очков, спросил статс-секретарь.

Сестра Марселина знала, что ложь — один из грехов (пусть и не смертный), но решила, что папа, как и любой человек, имеет право на приватную сферу, и, если Адриан захочет, он сам расскажет обо всем главе курии.

— Нет, ваше высокопреосвященство, — потупив взор, ответила сестра Марселина.

Кардинал смерил монахиню подозрительным взглядом и заявил:

— Святой отец хочет, чтобы вы выполняли роль сиделки. Когда профессор Пелегрино покинет опочивальню, можете навестить его святейшество.

Дождавшись, когда лейб-медик выйдет от папы, сестра Марселина, притаившись около приоткрытой двери одной из пустых комнат, прислушалась. То, чем она занимается, недостойно звания монахини, невесты Христовой! Однако она успокаивала себя мыслью, что папа одобрит ее действия и наверняка отпустит все грехи — она ведь действует в его интересах.

Профессор Маурисио Пелегрино, худой долговязый господин с седой бородкой и усами, одетый в белый костюм, обсуждал с кардиналом Мальдини состояние здоровья папы Адриана.

— У святого отца имеются симптомы частичной ретроградной амнезии, — провозгласил профессор, вытирая лоб платком. — Такое бывает достаточно часто, тем более с учетом повреждений...

Кардинал Мальдини замахал короткими пухлыми ручками:

— Маурисио, давай обойдемся без подробностей! Тебе же хорошо известно, что никто не должен узнать истинной причины, приведшей к коме.

Монахиня затаила дыхание. Вот это да! Получается, что у папы не было инфаркта? И о какой «истинной причине» ведет речь кардинал?

— Никто и не узнает, — отвечивал Пелегрино. — Однако не забывай, Умберто, рано или поздно амнезия проходит и пациент вспоминает обо всем, что было с ним.

— И когда память может вернуться к святому отцу? — живо спросил кардинал.

Профессор, погладив бородку, ответил:

— Обычно такое происходит по прошествии двух-трех недель, иногда пары месяцев после пробуждения из комы. Бывают случаи, что воспоминания возвращаются к пациенту и через несколько дней, в редких же случаях амнезия